

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Март-77

А. УТЕШКОВ
В. А. Игошеву, народному художнику РСФСР.

ПРЕДВЕСТИЕ
Ничего, что много снега,
Что морозы — на беда!
Молодой весны разбег
Не удержит холода,
В пласке мартовской метели

Удивительно слышны
Звуки робкие капели,
Как предвестники весны.

Ю. ЛАПИН

Отнесуивава пражу
Куролесца-змея,
Не озерка сети вяжет
Сонный ветер-старина,
Обнесло весенней сыпью
Лес, болота, пустыри...
И твои вешушки выпил —
Словно выиграл пари,
Словно выплеснулся
песней
Из загадки-запелки,
И жемчуг из поднебесья
Постелил к ногам твоим.

Б. ДОЛГУШИНА

Печил занат,
Проплажив снегом,
Для счастья
Нужно мне знать,
Я понял,
Вет,
Как воздух
И как небо!
А что б меня
Заставило запеть!
Смаку,
Спасибо,
Что вы есть.

И. КИРИЛЛОВ

Время обещания
Церкни дворцов
Оду варенье
Поет барабан
Мир разделился —
На мертвецов,
На подлесок
И полетаторжан.
О, мятежи —
Обречены!
Нет у восставших
Люности мыслей,
Нету замков
Динамических —
Не рождены еше.
Не рождены.
Только и есть
Что российская часть,
Сердце
Да дичная русская удаля.
Что же такое он,
Русский протест?
Встретить каварь
Обнаженною грудью.

Н. СОЦИХИН

Разрешите с вами
познакомиться
и намного проводить
домой,
Вечерами, когда ветер
челется
и снег метет и все чинан
не кончится.
Так беспринютны
улицы порой,
Я не буду задавать
вопросы.
Вы устали,
Я ум помолчу,
Но в проулках,
где лежат занасы,

Иам белая лохматая барбесы,
Накней их есть, но след
И у подзащиты вам прополчу,
И у подзащиты голову морочить
Ие буду я
И чтоб процуды
Я пожелаю вам
споконной ночи,
Прямых снах, а сам
Потой тропа, где
И где еще чуть различим
ваш след.
Как юноша — загадочно
счастливый,
И пусть сосед по койке
Шуршит всю ночь
подшимами газет,
Пускай шуршит,
пускай себе читает —
Он только что пришел
с буровой.
Смотрю, ман в форточку
свиновичи залетают,
Их свет пенелок, И вот,
Ман хорошо,
ман грустчо,
Бонна мой

С. ЕГОРОВ
ТВОРЧЕСТВО

(По Р. М. Рильке)
Во мне желанна стонет
Внутри, у середины —
Так дати и большие
простат пить.
И день держу в ладони
Колошочком теплой глины,
Еще не знаю, что бы
мне сплатьи.
И я, и день — лишь вещи
В начале становленья,
Когда деталей нет
несовоных;
Но явственней и резче
Звонят мои мгновенья,
И вот уже нелзя
не верить в них.
И взгляды снова явны,
Как истина большая,
И ад сомнений проклят,
и забыт.
И начинаю смелво,
Хотя еще не знаю,
Чью душу этот стих
освободит.

Г. БРОВЧУК

В глазах твоих
На мой ответ
Вопросов нет...
Тебя, как меня,
Влекло поднебесье.
В глазах твоих слышу
Заветную песню.
Но ты отступила,
Себя отстала.
А ты победила?
Я далеко алкоком,
Твой лишь знакомый,
Дара, кому конешо,
Свое достояние.
Землю — живешь,
Иного — не прошши.
По поводу спросо
С меня — ни слова.
Я често уста.

Ухожу...
Вот песней знакомой
Трубил поднебесье.
Мне зантра смелется
С походом над лесом
И я ихожу...
Занят код города,
Где ты живешь,
На линии лавочки.
Слушай,
Поймешь,
светлый орган
Затопляет снега,
Чтоб ошушался
От пят до ауска,
На линии музика,
И нет творных,
Что нет второго гудка...

— Почему вас, деду,
Лелеюко лубу? — спра-
шиваю я деду Гната По-
ка бабка Харитина долт
корову (я беру у них мо-
локо), мы сидим на лав-
лянке — сумерничаем. На
фоне утасоющего заката
на старой груше, что рас-
стет перед хатой, четко
вырисовываются силуэты
птиц — это аисты, или
по местному лелеки.

— Лелека — хорошее
прозвище, не обижаясь,
— говорит дед Гнат, по-
пыхая трубой. — Раз-
умнее да степеннее пла-
чи не смышле. Воляный,
дикий, но к людям по-
разному относится. Чувст-
вовет, где ему придет да
уважение.

Думаешь, так я любой
хате и сделает гнездо?
Э, нет. Они долго шуют
место, приглядываются.
А бывает в так гнездо
сохват, аисты выведут, в
ва весну, глядишь, броси-
ли гнездо, в другом ме-
сте селятся. Не по нраву,
значит, хозева прилши.

● О братьях наших меньших

АИСТЫ

Т. ЦАРЕНКО

Может, обидели чем,
я может, шумно во дворе-
она этого не любит.

Когда аисты учат своих
птенов летать — бывает
всякое. Не удержат
крылья малыша — он и
валится во двор. Перепол-
кох среди кур поднимет-
ся страшный. Квочка
цыплат под куток загонит,
крыльям землю цаплет,
того и гляди, кинется на
неодоумевшего аистенка.
А тот зной себе ковыляет
по двору препенюко. В
веще с легкостью степен-
ство до гадостя зарож-
даются. Если стары х
аистов дома нет, он весь
двор обойдет, а куры —
хоть заркнитесь. Приле-
тает аисты, увидят аистен-
ка, вышавивающего в ок-
ружении переполненных
кур, спускается во двор
и лавая хлопотать возле
своего дятля. Не спешат
подниматься, гуляют с
ним. С двух сторон сло-
во под ружья водят. Если
я во двор выйду или ста-
руха, они только на миг
замрут на полутьме, буд-
то присматриваясь, а по-
том перестают обращать
внимание.

Затем начинают тихонько
подталкивать пятнышка:
погуляй и хватит, эле-
гantly, голубчик. А он под-
прыгивает. Бывает такед
танцует, а что крылья у
него есть, совсем, навер-
ное, забывает. Вот на-
тери и приходите пока-
зывать, как птах летит:
станет перет ним и манет
крыльями — так, мол,
являо, так. Аистенок, ва-
конец, вспомнит про
крылья: мах-мах ими —
вот уже в воздухе, а во-
гами-то еще упрямлет
не может, и братяются
они у него, как трапич-
ные. Смехота одна!

Я, бывало, своих аистов
в полете узнавал. В па-
ре все летали, та так
близехонько, словно за
крыло друг друга держат.
Низко-низко, того и глди-
за дерево залетят или
за хату. И жуаны у них
не совсем черные, как у
других, а сероватые ка-

кие-то, как у наших, что
в болотах живут. Это я
крылья их жуанями на-
зываю. Бо как глядишь
издали, ну толь-в-точу,
как наш Хвелько, что
хором руководит, — жу-
аны черные при белых
рубашках. Чистые белые ка-
пельмейстеры.

Они и меня узнавали.
Вот ей же бору! Кошу
сено, а они — следом по
стерне. Ловят козвоек
всяких. Саранча для них
лакомство, считай. И вот
дично: косит рядом ком
Омелько, так они не за-
ним, а за мной ходят.
«Они тебя по духу табач-
но уют», — насмеш-
ничает Омелько. А может,
и по духу, кто их знает.

А Лелекой меня после
пожара стали кликать.
Поздней осенью это бы-
ло. Гнездо устало:
аисты уже в теплые края
улетели. Заморозки нача-
лись. Старуха возьми да
и лаяла печь, а искорка
выскочила через трубу на
крышу и притаялась. Ха-

тирую, а Омельковы вну-
чата прыгают под крышей
и на все село орут: «Лид
— лелека, дид — лелека.
С тех пор и пошто — Ле-
чека да Лелека

Дождались мы весны
Прилетели аисты, а вме-
сто хаты — пожарище.
Что гнездо на груше, буд-
то не замечают, а все под
пожарищем кружили. По-
сто село на дерево и да-
вай кловыми цапкать.
Голову на спину закиды-
вают, глаза закатывают
и клекочут. Может, горе-
валд, может, просто соше-
товались, что же делать
дальше? А потом сня-
лись мои птахи и улетели.
Ну, думаю, не вернутся.
Поверь, ночь не спал.
Чуть свет поднялся — в
а улицу. (Мы у кума
Омелька жили, пока свою
хату построили). Главну
на гнездо и глазам боюсь
поверить: стоит мой леле-
чек в гнезде — дремлет
на одной ноге и голо-
ловы под крыло. Призна-
ли свою хату. Я важе
прослезился на радость.

Утром хлопотать нача-
ли. По-своему гнездо пе-
рестраивать. Не угодил
ним старый Лелека. Аист
материал строительный
носит — сучки да ветки,
аистиха свои длинныи
кловом крпает, чем левии
руками, ловко их в гнездо
аплетает.

Потом, гляжу, пух она
у себя с живота вышпи-
ывает, а аист полный клов
топалонно приносит, а то
и мягких метелочек ка-
мышинных ва плавней. Ага,
думаю, аистиха яйца от-
кладывает готовится.

Так и стали жить. И
мы хату построили. Пере-
селились. Тут и случи-
лось несчастье. Как раз в
ту пору, когда она пте-
ноч высидывала. Вот
как раз а не-
настье пропала аистиха.
Улетела раз в левалы или
в плавни покормиться и
не вернулась. Где же
это она запропастилась,
думаю. Но на плокое не
подумал. Аист такой птах
— никто на тронет, не
поднимется у человека
на него руку. Если толь-
ко личица подкрасил да
схватил — так это ред-
ко бывает.

Но аистиха не верну-
лась.
— Пойду, пошучаю ее,
— говорю. — Может, где
и тине ногами запуталась,
да вырваться не может,
бывает такое. Ногы-то у
нее длинныи да тонкие.

Одел дождевик, болот-
ники и пошел. Целый день
проходил, все болото об-
шарил, все плавни — как
сквозь землю провали-
лась. Если бы лиса съели,
перья валялись, а то ни-
какого следа.

Пошел я до кума
Омелька. Рассказал про
аистову беду. Спать
его явдо, говорю.
— Ты моих хлопцев
организуи, — советует. —
Тех, что тебя Лелекой
окрестили.
Хлопцы обрадовались.
— Мы его, диду, кор-
мить будем, — кажут.
На другой день прита-
ились подвора жабник.
Отружал я их. Равае ж
аист столько съест? Жаб
попусту тоже губить не
явдо. Они пользу людям
приносят: комаров да
мошек целыми тысячами
съедают и реки от вся-
кой нечисти очищают. В
каждом колоде жаба
живет, потому-то вода
чистая, как слезинка.
Хлопцы отнесли их явду,
в несколько штук остави-
ли для пробы.

Петрусь вывалялся в
разведку полетать. Зажал
в руке жабея — и в
группу. Только руку до

аиста протянул, а он как
клевот есо, чуть дичиик
с лерева не свалился от
неожиданности. И мне,
старому, в голову не при-
шло, что так будет. Без
самой мирной крпачи, ко-
гда выжиивает дичаит,
будто дичает. Готова гла-
за выклевать всем, кто к
гнезду сунется.

Петрусь съез с лерева,
кровь с руки вытирает,
вскликивает: во клов,
железный!

Как же быть? Решил
сачок на пазку подраби-
ть. Марсовый. В него
жабу. Но и тут не повил
аист, чего от него хоти.
Видим, совсем ослепел,
голову на грудь карнит.
— Диду, давайте сачок
проволочный сядем, что-
бы он жабу вывел, —
предложил Петрусь.

Сделали. И что ты ду-
маешь, съел он уградию.
Правду кажут, гонд на
булке. Выглядит он жабу,
так на болоте, да и за-
глотил ее быстренько.

Так и кормили. А по-
том он и сам на болото
летал. То ли кормиться,
то ли аистиху свою
искать. Пташечка вышпи-
лилась — не знаю, кто
больше радовался — аист
или я с хлопцами. Целый
день червячок тащили, не
жуже самого аиста. Аиста-
там все равно, кто им
корм в рот закидывает.
Увидят, что Петрусь или
Олеся к ним подбираются,
шепки вытнут, кловы
разинут. И подросли уже,
и перьями обрастать ста-
ли, а брали корм прямо
из рук — еще привыкли.

Осенью улетели наши
аисты — старый и три
молодых. Весной верну-
лись с чужбины он один
без ларя. Чуть позже дру-
гие прилетели. Похоже,
последнего вывозка мосо-
дой обзавелся подружкой.
На старое она выжиива
не обрала, и он ям
в родни не набавлял. Це-
лныи левии в плавнях
пропадал, или на хату
стоит, нахохлился, словно
думу думет. А то кле-
вотать начнет. Перетнисто
да звонко, словно зовет
кого-то. Правда, когда
у молодых птеныи выва-
лись, словно воспроиз-
вился, ожд. Стал кормить
птенов. А родители на-
чего: корми, мол, если
охота.

Так вторым и последи-
вали малышей. И осевае
в теплые края вместе уле-
тели. Но больше он не
прилетал. То ли пару
нашел да в другом месте
поселился, то ли жарко
где при передаче, а мо-
жет, умер своей смертью.

Мало их теперь в на-
ших краях оста-лось.
Проиди по селу — одне-
два гнезда увидишь. Ха-
ты у нас сейчас больше
под шифером да черти-
пей, а на леревах никто
им гнездовой не устраи-
вает. И болота да плавни
у нас перевелись с тех
пор, как подняли в Дне-
пре воду я море Черкас-
ское образовалось. А яч
мелкие рекучки нужны,
болотистые. Да с оскокой
дичиной, да с лугачиной
пестей С каждым го-
дом их все меньше. Моя
старя говорит: «Скоро
ты, Лелеко, только и оста-
нешься».

Бабка Харитина при-
шла с хлева Пачучо
ларным молоком и теп-
лым коровьим личанком.
Аисты на груше были
еле различимы. Тепли-
лась в темноте трубка
деда Гната. И мне по-
малось: если бы этим
птинам вроду было так
уютно и надежно, как у
деда Гната, они бы на-
верное, никогда не пере-
велись из села.